15. Zabajkal'skaja nov'. Chita, 1918.
16. Zarja. Omsk, 1918.
17. Irkutskaja zhizn'. 1917
18. *Kolomytseva L. M.* Konstitucionnye demokraty v Sibiri: fevral' 1917 — nachalo 1918 gg. Diss. na soisk. uch. st. kand. ist. nauk. Tomsk, 1993.
19. *Krol' L. A.* Za 3 goda. Vospominanija, vpechatlenija, vstrechi. Vladivostok: Svobodnaja Rossija, 1921.
20. Narodnaja svoboda. Tobol'sk, 1917.
21. Nasha zarja. Omsk, 1919.
22. Perejra N. Belaja Sibir': politika i obschestvo / Per. s angl. M.: In-t istorii RAN, 1996.
23. Rech'. Pg., 1917.
24. Svobodnaja Sibir'. Krasnojarsk, 1918.
25. Svobodnoe slovo. Tjumen', 1917.
26. Svobodnyj kraj. Irkutsk, 1917; 1918; 1919.
27. Sibirskaja zhizn'. Tomsk, 1917; 1918.
28. Sibirskaja rech'. Omsk, 1917; 1918; 1919.
29. *Spirin L. M.* Klassy i partii v grazhdanskoj vojne v Rossii. M.: Mysl', 1968.
30. *Struve P. B.* Istoricheskij smysl russkoj revoljucii i nacional'nye zadachi. M.: Direkt-Media, 2008.
31. S#ezdy i konferencii Konstitucionno-demokraticheskoj partii. — T. 3. M.: Rosspjen, 2000.
32. TsRhHDNI OO. F. 19 (Istpart). Op. 1. D. 502.

Д. В. Шмуратко

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Приведены результаты дискриминантного анализа 32 прикамских могильников периода IV–VI веков, принадлежащих 10 археологическим культурам. По результатам анализа более чем 1300 погребений автор выстраивает векторы этнокультурных проникновений рассматриваемых культур с целью ответа на вопрос о происхождении харинских курганных комплексов, распространенных на территории Пермского Предуралья. Проведя верификацию высказанных ранее предположений о культурной преемственности харинских курганов, автор приходит к выводу об их позднесарматском происхождении.

Ключевые слова: харинская археологическая культура, Прикамье, курганы, дискриминантный анализ, Великое переселение народов.

D. Shmuratko

ETHNO-CULTURAL SITUATION IN THE PRIKAMIE IN THE ERA OF THE GREAT MIGRATION

The results of the discriminate analysis of 32 burial locations in Prikamie belonging to 10 archaeological cultures of the period of the IV–VI centuries are presented. Based on the analysis of more than 1300 burials, vectors of ethno-cultural penetration of cultures are examined and constructed. The goal of the research is to find out the origin Harino mound complexes common in the Perm Urals foothills. A conclusion is made about the late Sarmatian origin of Harinskmounds.

Keywords: Harino archaeological culture, Prikamie, mounds, discriminate analysis, The Great migration of peoples.

То, что Великое переселение народов (ВПН) является, наверное, самым глобальным миграционным процессом эпохи Средневековья, ни для кого не секрет. Подобные явления, вызванные глобальными катаклизмами, случаются в человеческой истории не так часто, но их последствия оказываются весьма ощутимыми. Говорят о том, что эпоха ВПН заново перекроила этническую карту Евразии. Разобраться в охвативших континент переселенческих процессах — задача очень сложная: слишком много народов, слишком много культур, слишком много особенностей…

О том, что происходило в эпоху ВПН в Прикамье, написано достаточно много как научной, так и научно-популярной литературы. В IV веке н. э. в результате иноэтничного вливания или каких-либо других причин на территории Пермского Предуралья (да и всего Прикамского региона) вдруг появляется необычный погребальный обряд — захоронения под курганами. Для лесной и лесостепной полосы курганные комплексы не совсем типичны. Курган — опознавательный знак, помогающий кочевнику отыскать в бескрайней степи могилы предков, в условиях заселенности ландшафта Верхней Камы вряд ли мог выполнять эту немаловажную функцию. Заметить курган в лесу, и еще, к тому же, на неровной (холмистой) местности, навряд ли удастся, кроме того, уральские курганы сильно уступают своим степным аналогам как по высоте, так и по диаметру насыпи. Зачем, а главное, кто создавал эти погребальные сооружения в Прикамье, остается загадкой.

Еще в начале XX века А. В. Шмидт выделил эти таинственные памятники в особую группу — «харинский тип» [1, с. 110], по названию села в Коми-Пермяцком округе, где были обнаружены первые курганы. С этих пор вопрос об их этнокультурной интерпретации становится одним из актуальнейших для прикамской археологии. В разные годы разные исследователи связывали харинцев с тюрками, сарматами, сармато-аланами, уграми, палеосибирцами, саками-усунями [1, с. 111], причем зачастую все выводы базировались на чисто интуитивном сравнительном сопоставлении тех или иных категорий вещей.

Попытаемся внести некоторую ясность в обозначенное разнообразие, помочь в этом нам могут современные методы аналитической статистики. Дискриминантный анализ, рассчитывающий вероятность попадания каждого объекта в ту или иную группу [22, с. 141], позволит нам выделить в массиве харинских погребений те, которые отклоняются от «идеального типа», а затем отнести их к другим типам, характерным для соседних культур.

Понятие «идеальный тип» впервые было предложено отцом современной «понимающей социологии» М. Вебером. К идеальному типу, пишет он, мы приходим, акцентируя ту или иную точку зрения, с которой очевидна связь некоего множества различных феноменов, выраженных в большей или меньшей мере. Получающаяся в итоге концептуальная картина не есть нечто эмпирически данное. Она утопична, и задача историка в каждом отдельном случае состоит в том, чтобы констатировать большую или меньшую дистанцию, разделяющую идеальный тип и реальность [19].

В нашем случае анализ будет проведен на выборке более чем 1300 погребений, принадлежащих 34 памятникам, 10 археологическим культурам: харинская (могильники Бурково, Митино, Чазево I, II, Пеклаыб I [9]), неволинская — бродовский и верх-саинский этапы (Верх-Сая, Броды [12]), тураевская группа (Тураево [8], Старая-Мушта [21]), мазунинская (Мазунино [10], Ижевский [7]), бахмутинская (Бирский [14], Старо-Кобановский [4]), азелинская (Азелино, Суворово [6]), саргатская (Савинский, Красный Борок [15]), именьковская (Рождественский [5], Богородицкий [20]), турбаслинская (Ново-Турбаслы [13], Уфимский [17]), позднесарматская (Ахмеровский II [2], Салиховский [3], Чу-

маровский, Уязыбашевский, Комсомольский IV и др. [18]). Все погребения были описаны бинарным кодом (0;1) по 128 признакам. Анализ проводился в программном пакете SPSS.

Дискриминантный анализ позволил выделить *«идеальный тип» погребения харинской культуры*, т. е. такого погребения, которое является не типичным для других культур. Если учесть самые яркие признаки, то получится захоронение под курганом (99,2%), могильная яма которого вмещает в себя срубную конструкцию (29,1%). Состав инвентаря подобных комплексов беден либо отсутствует вовсе (45,7%); к наиболее часто встречаемым находкам в первую очередь следует отнести обувные пряжки (10,2%). Заметим, что «характерный» для харинцев обряд кремации, удила, клинковое оружие, «калачковидные серьги» не входят в состав «идеального типа», являясь более характерными для соседних культур.

Процент выявленных «инокультурных» включений на харинских памятниках следующий (см. табл.): позднесарматский — 16,2%; именьковский — 6,9%; неволинский компонент — 6,4%; турбаслинский — 1,7%; тураевский — 1,2%; азелинский, мазунинский, бахмутинский, саргатский — 0%. Процент уникального харинского «идеального типа» — 67,6%. При этом по результатам анализа можно охарактеризовать и направленность выявленных связей. Так, параллели с неволинской и тураевской культурами являются двунаправленными, что говорит о наличии взаимно пересекающихся контактов носителей данных культурных традиций. Указанный процесс может быть возможным только при наличии хронологического перекрывания, т. е. одновременного бытования памятников. Параллели с позднесарматской, именьковской и турбаслинской культурами являются строго однонаправленными, без взаимного наложения. Обнаруженное обстоятельство позволяет в ряду относительной хронологии выстроить перечисленные культуры по времени ранее харинской и выводить последнюю именно из них.

Как видно из приведенных данных, наиболее значительный вклад (16,2%) в формирование «харинского типа» внесли носители позднесарматской культуры (см. табл.).

«Идеальный тип» для позднесарматского погребения выглядит примерно так: небогатое, выложенное камнями (11,1%) погребение с ингумацией (100%) под курганной насыпью (100,0%), в положении «вытянуто на спине» (59,5%) и с искусственной деформацией черепа (15,1%).

О близости харинской и позднесарматской курьтур в свое время говорил еще А. П. Смирнов, однако его точка зрения уступила место угорской концепции, выдвинутой О. Н. Бадером, В. А. Обориным, В. Ф. Генингом [1, с. 110]. Не так давно о сарматской теории вновь заговорил Ф. В. Овчинников. Анализируя харинскую полихромную поясную гарнитуру, исследователь пришел к выводу о том, что, возможно, именно с «событиями вытеснения "иранских" племен с исторической арены связано появление в Приуралье памятников харинского типа в конце IV — начале V в., где в труднодоступных лесных районах до конца VI в. сохраняются отголоски стиля Варна — Кара-Агач. Так, наиболее ранние харинские комплексы, представляющие культуру первых харинских переселенцев, посредством перекрестных аналогий напрямую связаны с кругом позднесарматских древностей конца IV в. (Брюханово, Тугозвоново)» [16].

Вторым по значимости компонентом, сыгравшим свою роль в формировании харинской культуры, следует назвать именьковцев, о «самом серьезном воздействии» которых на племена Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья середины I тыс. н. э. неоднократно говорил А. Х. Халиков [23, с. 94]. В орбиту переселенческих процессов, захлестнувших Прикамье в эпоху ВПН, именьковцев включают Г. И. Матвеева и Р. Д. Голдина; последняя связывает с ними одну из волн миграций [11, с. 254].

Результаты дискриминантного анализа (Classification Results*)

	Код культ	*Predicted Group Membership*										*Total*
		1 Харино	*2 Неволино*	*3 Тураево*	*4 Мазунино*	*5 Бахмутино*	*6 Азелино*	*7 Саргаты*	*8 Именьково*	*9 Турбаслы*	*10 Сарматы*	
Original Count	1 Харино	117	11	3	0	0	0	0	12	1	29	173
	2 Неволино	0	144	11	23	36	4	1	0	18	27	264
	3 Тураево	9	9	80	1	15	2	0	0	9	4	129
	4 Мазунино	0	9	0	73	33	1	0	0	0	0	107
	5 Бахмутино	0	9	3	32	326	9	0	0	0	0	370
	6 Азелино	0	9	2	2	13	34	0	0	0	0	51
	7 Саргаты	0	1	0	0	1	0	21	0	15	7	45
	8 Именьково	0	0	0	0	0	0	0	40	0	0	40
	9 Турбаслы	0	0	0	0	0	0	0	0	58	6	64
	10 Сарматы	0	5	0	0	0	0	0	0	17	63	85
%	1 Харино	67,6	6,4	1,7	,0	,0	,0	,0	6,9	,6	16,8	100,0
	2 Неволино	,0	54,5	4,2	8,7	13,6	1,5	,4	,0	6,8	10,2	100,0
	3 Тураево	7,0	7,0	62,0	,8	11,6	1,6	,0	,0	7,0	3,1	100,0
	4 Мазунино	,0	,0	,0	68,2	30,8	,9	,0	,0	,0	,0	100,0
	5 Бахмутино	,0	,0	,8	8,6	88,1	2,4	,0	,0	,0	,0	100,0
	6 Азелино	,0	,0	3,9	3,9	25,5	66,7	,0	,0	,0	,0	100,0
	7 Саргаты	,0	2,2	,0	,0	2,2	,0	46,7	,0	33,3	15,6	100,0
	8 Именьково	,0	,0	,0	,0	,0	,0	,0	100,0	,0	,0	100,0
	9 Турбаслы	,0	,0	,0	,0	,0	,0	,0	,0	90,6	9,4	100,0
	10 Сарматы	,0	5,9	,0	,0	,0	,0	,0	,0	20,0	74,1	100,0

* 72% of original grouped cases corrtctly classiaied

«Идеальный тип» именьковских захоронений — кремация (100%) в грунтовых погребениях, снабженных уступом (13,5%), на котором помещался жертвенный сосуд (48,1%), из вещевого инвентаря часто встречаются глиняные пряслица (15,4%).

На третьем месте стоит двунаправленная связь харинцев с носителями неволинской культуры (6,4 и 0,4%).

«Идеальный тип» неволинского погребального обряда в общих чертах рисуется следующим образом. Умерших ингумировали (100%) в могильных ямах, содержащих остатки бересты (2,9%), в некоторых случаях в погребениях встречены одиночные крупные камни (2,9%). Лица умерших покрыты погребальной маской (1,2%). Специфическим элементом костюма является «неволинский» пояс с многочисленными пронизками и подвесками (12,4–10,0%). Характерными для неволинцев стали также отдельные типы височных украшений: кольцо со свободно вращающейся привеской (0,6%), кольцо с привеской в виде полого шарика (1,8%), «калачковидное» височное кольцо (1,8%). Из вещевого инвентаря в «идеальный тип» неволинцев вошли ножи (59,4%), удила (17,1%), стремена (6,5%) и кресала (1,2%), из украшений костюма — монеты (10,0%).

Говоря же о том, откуда необычный погребальный обряд пришел к неволинцам, дискриминантный анализ советует нам внимательнее присмотреться к бахмутинско-мазунинскому ареалу и опять же, как и в случае с харино, — к турбаслинской и позднесарматской культурам (заметим, что позднесарматская культура становится общим истоком как для неволинских, так и для харинских погребений). Сила связей: бахмутино — 12,1%, позднесарматская — 10,2%, мазунино — 9,1%, турбослинская — 6,4%, тураевская — 4,5%, азелинская культура — 1,9%.

«Идеальный тип» бахмутинского захоронения — ингумация (98,5%) в грунтовой яме (100%), снабженной нишами-подбоями (10,7%). В погребениях прослеживаются следы охры (0,7%). Из украшений выделяются раковины каури (4,8%), «калачковидные» височные кольца (1,0%), височные кольца в виде колечка (4,6%).

«Идеальный тип» мазунинского погребения — ингумация (100%) в грунтовой яме (100%) в положении «вытянуто на спине» с выпрямленными конечностями (31,3%), в деревянном гробовище (24,6%). Рядом с погребенным помещен жертвенный комплекс (16,4%), в состав которого входят бусы (14,2%), фибулы (4,5%), сюльгамы (1,5%), ножи (4,5%). Из элементов костюма обнаружены многочисленные застежки (16,4%).

«Идеальный тип» турбаслинского погребения — погребальные ямы со следами жертвенной пищи (кости животных — 35,5%, фрагменты керамики — 46,4%). Из украшений — височные кольца с привеской-многогранником (3,6%), калачевидные серьги (не «калачковидные»!) (0,9%), арочные накосники (0,9%).

Азелинский компонент представлен *«идеальным типом»* — ингумацией (98,1%) в положении «вытянуто на спине» с расположением одной или обеих рук на бедрах (15,4% и 21,2%). Погребенный снабжен жертвенным комплексом (9,6%), в составе которого — бисер (7,7%), пояса (3,8%). Богато украшенные пояса входят в состав костюма (61,1–32,7%), атрибутами которого являются нагрудные подвески (34,6%), фибулы (11,5%), бляшки (19,2%), сюльгамы (36,5%). Из украшений типичны браслеты (21,2%), гривны (28,8%), перстни (55,8%), височные подвески в виде знака вопроса (17,3%), многочисленные бусы (59,6%). Из предметов воинского снаряжения — топоры (23,1%), наконечники копий (13,5). Из бытовых вещей — шилья, иглы, проколки (19,2%).

Что же касается нашумевших тураевских комплексов, то связь их с харино и неволино несомненна, хотя и не столь значительна. Из анализа следует, что 7,0% ту-

раевских погребений определяются как харинские (обратная связь — 1,2%), 5,4% — как неволинские (обратная связь — 4,5%).

«Идеальный тип» тураево — погребальная яма с деревянным настилом (19,1%) и следами огня (62,9%), рядом с умершим расположен жертвенный комплекс (17,1%), в который часто входят гривны (9,5%), браслеты (9,5%), перстни (8,6%), удила (1,0%). Из украшений присутствуют витые височные кольца с напускной бусиной (16,2%). Из предметов вооружения — «косы-горбуши» (6,7%) и оселки к ним (2,9%).

Контактировали тураевцы как с бахмутинским населением (10,9–0,8%), так и с турбаслинцами (6,2–3,1%). Наличие же однонаправленных связей позволяет отчасти выводить тураево из ранних мазунинских (0,8%) древностей.

Что же касается угорской теории, то следы саргатской культуры не выявлены ни в харинской, ни в неволинской культурах. Однако много общего саргаты обнаружили с турбаслинцами (25,0%) и с поздними сарматами (5,0%).

«Идеальный тип» саргатского погребения — ингумация (100%) под курганом (100,0%). Могильные ямы снабжены деревянными конструкциями типа столбов (28,6%), кольев (14,3%), перекрытий (35,7%), платформ (57,1%), которые помещались на заплечики (35,7%). Характерно присутствие в погребении следов мела или талька (7,1%). Яркими находками являются бронзовые котлы (7,1%), топоры-кельты (7,1%). Из украшений выделяются янтарные бусы (14,3%), из бытовых вещей — гребни (7,1%), из предметов вооружения — клинковое оружие (14,3%) и наконечники стрел (35,7%).

Итак, подведем итоги. Проведенный дискриминантный анализ позволил внести некоторую ясность в этнокультурную ситуацию в Прикамье эпохи ВПН.

– Харинская культура, появление которой на территории Верхнего Прикамья, собственно, и является результатом Великого переселения народов, генетически восходит к позднесарматской (16,2%), именьковской (6,9%) и неволинской (6,4%) культурам.

– Неволинская культура восходит к бахмутинской (12,1%), позднесарматской (10,2%), мазуниной (9,1%), и турбаслинской (6,4%) культурам.

– Тураевские древности, имеющие много общего с харино и неволино, свои истоки берут от мазунинской (0,8%) культуры.

– Влияние на территорию Прикамья саргат статистически не прослеживается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданов А. В.* К историографии проблемы происхождения и этнической интерпретации объектов великого переселения народов в Прикамье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 110–111.

2. *Васюткин С. М.* II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала / Под ред. Р. Г. Кузяева. Уфа, 1977. С. 67–89.

3. *Васюткин С. М.* Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии // Советская археология. 1986. № 2. С. 180–197.

4. *Васюткин С. М., Останина Т. И.* Старо-Кабановский могильник — памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устиново, 1986. С. 63–130.

5. *Генинг В. Ф.* Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у села Рождествено в Татарии // Материалы и исследования по археологии СССР / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1960. № 80. Т. III. С. 131–144.

6. *Генинг В. Ф.* Памятники азелинской культуры // Вопросы археологии Урала. 1963. Вып. 5. С. 96–144.

7. *Генинг В. Ф.* Ижевский могильник IV–V вв // Вопросы археологии Урала. 1967. Вып. 7. С. 123–140.

8. *Генинг В. Ф.* Тураевский могильник V в. н. э. (Захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 55–108.

9. *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. 1973. Вып. 12. С. 58–120.

10. *Генинг В. Ф., Мырсина, Е. М.* Мазунинский могильник // Вопросы археологии Урала. 1967. Вып. 7. С. 85–115.

11. *Голдина Р. Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004.

12. *Голдина Р. Д., Водолаго Н. В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990.

13. *Мажитов Н. А.* Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник / Под ред. А. П. Смирнова. Уфа, 1959. С. 114–142.

14. *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М., 1969.

15. *Матвеева Н. М.* Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993.

16. *Овчинников Ф. В.* О происхождении харинской полихромной поясной гарнитуры // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. 2004. Вып. 17. (Доступно на http://www.archaeology.ru/ONLINE/Ovchinnikov/ harino.html от 11.11.2009.)

17. *Пшеничнюк А. Х.* Уфимский курганный могильник // Археология и этнография Башкирии / Под. ред. Н. В. Букбулатова. Уфа, 1968. Т. 3. С. 105–112.

18. *Пшеничнюк А. Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983.

19. *Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней: От романтизма до наших дней. М., 2003 (Доступно на http://society.polbu.ru/reale_westphiloiv/ch75_i.html от 11.11.2009.)

20. *Старостин П. Н.* Богородицкий могильник // Советская археология. 1983. № 1. С. 193–203.

21. *Сунгатов Ф. А., Гарустович Г. Н., Юсупов Р. М.* Приуралье в эпоху Великого переселения народов. (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). — Уфа, 2004.

22. *Таганов Д. Н.* SPSS: Статистический анализ в маркетинговых исследованиях. СПб.: Питер, 2005.

23. *Халиков А. Х.* Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.: Наука, 1987 С. 88–103.

REFERENCES

1. *Bogdanov A. V.* K istoriografii problemy proishozhdenija i jetnicheskoj interpretacii ob#ektov velikogo pereselenija narodov v Prikam'e // Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arheologicheskoe soveschanie. — Perm', 2003. S. 110–111.

2. *Vasjutkin S. M.* II Ahmerovskij kurgannyj mogil'nik pozdnesarmatskogo vremeni // Issledovanija po arheologii Juzhnogo Urala / Pod red. R. G. Kuzjaeva. — Ufa, 1977. S. 67–89.

3. *Vasjutkin S. M.* Salihovskij kurgannyj mogil'nik konca IV–V v. v Bashkirii // Sovetskaja arheologija. 1986. № 2. S. 180–197.

4. *Vasjutkin S. M., Ostanina T. I.* Staro-Kabanovskij mogil'nik-pamjatnik mazuninskoj kul'tury v severnoj Bashkirii // Voprosy istorii i kul'tury Udmurtii. Ustinovo. 1986. S. 63–130.

5. *Gening V. F.* Selische i mogil'nik s obrjadom truposozhzhenija dobolgarskogo vremeni u sela Rozhdestveno v Tatarii // Materialy i issledovanija po arheologii SSSR / Otv. red. A. P. Smirnov. — M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. № 80. T. III. S. 131–144.

6. *Gening V. F.* Pamjatniki azelinskoj kul'tury // Voprosy arheologii Urala. 1963. Vyp. 5. S. 96–144.

7. *Gening V. F.* Izhevskij mogil'nik IV–V vv // Voprosy arheologii Urala. 1967. Vyp. 7. S. 123–140.

8. *Gening V. F.* Turaevskij mogil'nik V v. n. je. (Zahoronenie voenachal'nikov) // Iz arheologii Volgo-Kam'ja. Kazan', 1976. S. 55–108.

9. *Gening V. F., Goldina R. D.* Kurgannye mogil'niki harinskogo tipa v Verhnem Prikam'e // Voprosy arheologii Urala. 1973. Vyp. 12. S. 58–120.

10. *Gening V. F., Myrsina, E. M.* Mazuninskij mogil'nik // Voprosy arheologii Urala. 1967. Vyp. 7. S. 85–115.

11. *Goldina R. D.* Drevnjaja i srednevekovaja istorija udmurtskogo naroda. Izhevsk: Izd. dom «Udmurtskij universitet», 2004.

12. *Goldina R. D., Vodolago N. V.* Mogil'niki nevolinskoj kul'tury v Priural'e. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1990.

13. *Mazhitov N. A.* Kurgannyj mogil'nik v derevne Novo-Turbasly // Bashkirskij arheologicheskij sbornik / Pod red. A. P. Smirnova. Ufa, 1959. S. 114–142.

14. *Mazhitov N. A.* Bahmutinskaja kul'tura. M., 1969.

15. *Matveeva N. M.* Sargatskaja kul'tura na Srednem Tobole. Novosibirsk: Nauka, 1993.

16. *Ovchinnikov F. V.* O proishozhdenii harinskoj polihromnoj pojasnoj garnitury // Materialy po arheologii Evropejskogo Severo-Vostoka, 2004. Vyp. 17. (Dostupno na http://www.archaeology.ru/ ONLINE/Ovchinnikov/ harino.html ot 11.11.2009.)

17. *Pshenichnjuk A. H.* Ufimskij kurgannyj mogil'nik // Arheologija i jetnografija Bashkirii / Pod. red. N. V. Bukbulatova. Ufa, 1968. T. 3. S. 105–112.

18. *Pshenichnjuk A. H.* Kul'tura rannih kochevnikov Juzhnogo Urala. M.: Nauka, 1983.

19. *Reale D., Antiseri D.* Zapadnaja filosofija ot istokov do nashih dnej: Ot romantizma do nashih dnej. M., 2003. (Dostupno na http://society.polbu.ru/reale_westphiloiv/ch75_i.html ot 11.11.2009.)

20. *Starostin P. N.* Bogorodickij mogil'nik // Sovetskaja arheologija. 1983. № 1. S. 193–203.

21. *Sungatov F. A., Garustovich G. N., Jusupov R. M.* Priural'e v jepohu Velikogo pereselenija narodov. (Staro-Mushtinskij kurganno-gruntovyj mogil'nik). Ufa, 2004.

22. *Taganov D. N.* SPSS: Statisticheskij analiz v marketingovyh issledovanijah. SPb.: Piter, 2005.

23. *Halikov A. H.* Velikoe pereselenie narodov i ego rol' v obrazovanii varvarskih gosudarstv // Ot doklassovyh obschestv k ranneklassovym. M.: Nauka, 1987. S. 88–103.